

Атомная отрасль – гордость России

Н. П. ВОЛОШИН

Н. П. Волошин

Н. П. Волошин родился в 1939 г. В 1961 г. окончил радиотехнический факультет Уральского политехнического института.

В 1962–1995 гг. – сотрудник РФЯЦ-ВНИИТФ (прошел путь от инженера до начальника отделения экспериментальной физики); в 1996–2004 гг. – руководитель Департамента разработки и испытаний

ядерных боеприпасов Минатома России, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса; с 2004 по 2008 г. – заместитель, с 01.2009 г. и по настоящее время – помощник директора РФЯЦ-ВНИИТФ. Лауреат Государственной премии СССР (1982 г.), лауреат премии Правительства Российской Федерации (1998 г.). Награжден орденом Почета (1996 г.), орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2003 г.). Доктор технических наук, профессор, действительный член МАНЭБ, член-корреспондент РАЕН. Участник ядерных испытаний и мирных ядерных взрывов СССР, а также совместного эксперимента СССР–США (1988 г.) и контроля за ядерными испытаниями США на Невадском полигоне (1991–1992 гг.).

В 2015 г. атомная отрасль отмечала свое 70-летие. Госкорпорация «Росатом» собирала материал для книги, посвященной этому юбилею. При этом Департамент коммуникаций предложил ветеранам ряд вопросов, на которые было желательно ответить в воспоминаниях. Следуя этой просьбе, я подготовил очерк о времени работы в Министерстве среднего машиностроения (Минсредмаше, МСМ, позже – Минатоме). В сборнике, вышедшем к юбилею отрасли, мой очерк, как и воспоминания многих других ветеранов, к сожалению, не нашел своего отражения. Считаю полезным на примере ВНИИТФ познакомить молодое поколение с тем, как жили и работали сотрудники Минсредмаша и Минатома. Предлагаю свой очерк вниманию читателей.

На предприятие п/я 150 мне удалось устроиться с помощью моего старшего брата, уже работавшего в институтах МСМ (сначала во ВНИИЭФ, а затем во ВНИИТФ) более семи лет. Он выслал мне необходимые для оформления на работу бланки анкеты и заявления. Это было в начале 1962 г. К этому времени я проработал полгода на авиационном заводе в Казани, куда прибыл по направлению после окончания радиотехнического факультета УПИ (г. Свердловск).

Такой путь прихода на работу на «закрытое» предприятие для инженера тогда был нетипичным. Обычная практика приема молодых специалистов заключалась в направлении по распределению выпускников. «Сваты» (кадровики «закрытых» предприятий) отбирали лучших студентов на старших курсах, и агитация заканчивалась их согласием поступить на работу в «почтовый ящик». Ну, а дальше – единая дорога: сообщают, куда явиться; там скажут, куда и как добираться и так далее. У меня все было по-другому. В конце марта 1962 г. я приехал в Свердловск, нашел в Пионерском поселке «явочную квартиру» (представительство ВНИИТФ), где мне рассказали, как добираться до будущего места работы. И в представительстве, и в отделе кадров встречали благожелательно. В обычных случаях при распределении нередкой была борьба «сватов» за конкретного молодого специалиста. В этот раз такая борьба, если и была, то еще до моего приезда на «объект»: заинтересованные в радиоинженере начальники договорились, что меня примут в недавно созданное отделение внешних испытаний. На работу я оформлялся в самых первых числах апреля 1962 г.

Система работы с молодыми кадрами, с которой мне пришлось познакомиться, здесь, на оборонном предприятии МСМ, существенно отличалась от той, которую я уже знал на авиационном заводе. Там мне поручили «очень перспективную», т. е. совсем не спешную и в обозримом будущем не востребованную работу, и ничего такого особого от меня не требовали. Никто мне не говорил: «Забудь, что учил в вузе, а делай то, что нужно здесь». Наставника не выделили. Если о чем и спрашивали и чего требовали, так это участия в общественной жизни коллектива.

Здесь, во ВНИИТФ, с первого же дня выдали конкретное задание, подключили к уже имевшему опыт старшему технику-исследователю (инженера подключили к технику!), и работа закипела. Ее результатами интересовались и коллеги-инженеры, и руководитель группы, и начальник отдела. Даже не зная общего замысла всей темы, я почувствовал ответственность и значимость своей узкой разработки. Отношения между всеми категориями работающих были самыми благожелательными, независимо от возраста, служебного положения и накопленного опыта. Шуток или разногласий на производственные темы не было и в помине, только правильные советы, подсказки и предостережения.

Этому, конечно, способствовал строгий режим, начинавшийся с проверок при подборе кадров и завершавшийся повседневной негласной, но неотвратимой работой представителей соответствующей службы. Эта обстановка была понятной, привычной и не вызывала отторжения, так как все делалось для надежности, эффективности и безопасности разработок. И это все понимали. Шутки в быту, на отдыхе, на картошке и других мероприятиях всегда были практически безобидными и поднимали настроение в коллективе. Иерархия в коллективе, конечно, была. По крайней мере, схема от руководителя группы и до директора предприятия была известна всем. Выше – главк, министерство. Молодежь туда не заглядывала. Но, вообще-то, сама тема иерархии возникала в жизни, в основном, только в связи с карьерным ростом: когда и насколько повысят, есть ли перспектива получить путевку в санаторий, комнату с подселением или отдельную квартиру. На этих путях знакомились и с административным, и с общественным руководством, и его иерархией.

Возвращаясь к своей работе, скажу, что уже через полгода был подключен к комплексному изделию, в состав которого входил и мой узел, и был направлен на полигонное испытание. Участвовал в последней сессии воздушных испытаний на Новой Земле (IV кв. 1962 г.) Не могу утверждать, что за 7–9 месяцев я стал опытным специалистом. Но темп работ предприятия и его производственные планы диктовали необходимость быстрого и активного внедрения в тематику, и интересующиеся делом молодые специалисты уже к третьему году работы могли стать опытными разработчиками в своем круге ответственности. По крайней мере, меня уже через два года назначили старшим инженером, а еще через год – начальником группы. Карьера,

*Г. П. Ломинский, Г. А. Цырков, А. Д. Захаренков,
Б. М. Емельянов и Е. И. Забабахин. Снежинск, 1982 г.*

конечно, зависела от самого работника. Когда пытаются обвинить кого-то в «зажиме», «подножках» и тому подобных грехах – это следует считать попыткой переложить вину с больной головы на здоровую.

Мне на своем примере легко показать, что, не имея никаких «волосатых» рук и не «подлизываясь» к высшему начальству, закончив сельскую десятилетку и вуз, через 11 лет работы защитил кандидатскую, а еще через 16 лет – докторскую диссертации, а на 34-м году стажа работы в МСМ стал начальником главка (руководителем Департамента проектирования и испытаний ядерных боеприпасов). Людей с такой должностью в мире было всего 5 – по числу ядерных держав. Конечно, без учителей и наставников, без замечательных старших руководителей такая карьера невозможна. Но кто мешал другим достигать похожих вершин?

С первых же дней работы на предприятии ко всем старшим обращались на «Вы». Но, что меня особенно удивляло в первые годы работы, так это обращение кадровиков к молодым специалистам на «Вы» и по имени-отчеству. На других предприятиях такого не наблюдал. Со сверстниками обращались на «ты». Стиль общения по производственным делам заметно отличался от бытового. По делам – строгий, без крика даже при горячих спорах. Про курилку ничего сказать не могу – не курил и не курю. На этой почве даже замечания получал от начальства: «Николай Павлович! Ты же не куришь, чего же ты тут (возле курилки) стоишь – иди, работай!».

В столовых часто пропускали своих коллег в якобы заранее для них занятую очередь. Другие очереди шумели, но не очень, так как и сами поступали аналогичным образом. Одевались

по моде, которая, вообще говоря, с трудом проникала в закрытые города МСМ (позже они были отнесены к закрытым административно-территориальным образованиям – ЗАТО). В присутствии незнакомых разговаривали о чем угодно, только не о работе. Даже семья не знала, когда и тем более куда ее глава едет в командировку. Вот такая секретность работы и длительные командировки в моей личной судьбе сыграли злую шутку – все, что узнавали о жизни и науках мой сын и дочь, им давала моя супруга, которая воспитала наших детей «при полном наличии отсутствия» отца. Своего от чужого отличали в незнакомой обстановке, конечно, не всегда, но, в основном, опираясь на зрительную память (по встречам в ЗАТО) и на интуицию, по поведению (осторожность, зажатость, неболтливость, невмешательство в досужие разговоры окружающих и т. п.).

Престижным считалась интересная работа, продвижение по службе и рост квалификации (аспирантура, ученые степени). Признавались успехи и в общественной деятельности, но это относилось уже к более низкому уровню престижности, а иногда и к отрицательной оценке человека (лучше бы он в аспирантуру поступил, а он в профорги пошел!). Все официальные праздники отмечались в обязательном порядке и в традиционной форме. Из неофициальных чаще всего практиковались дни рождения, свадьбы и особенно торжества по случаю наград и премий.

В продуктах питания ограничений не было – питались заметно лучше, чем в окружающих деревнях и даже областных центрах. В 1961–1962 гг., работая в Казани, я мог один раз в неделю потратиться в ресторане (!) на порцию жареной утки. А как только прибыл в Снежинск (тогда Челябинск-50), так в обычной столовой «Заря» на улице Васильева за 54 копейки мог кушать мясной гуляш с гречей хоть каждый день. В магазинах было все – от шоколада до крабов, красной и черной икры. С «ширпотребом» было хуже: сапоги, шапки, холодильники, шубы, автомобили (!) – только по распределению, только через профсоюз и различные очереди и комиссии. Но «застой» был таков, что терпение и накопление средств (в условиях стабильности цен), в конце концов, гарантировали приобретение желаемого (особенно это относилось к автомобилям).

Премии и награды «закладывались» в постановления ЦК КПСС и СМ СССР об утверждении государственно значимых тем НИР и ОКР. В по-

Н. Н. Криулькин, Н. П. Волошин, Л. П. Феоктистов, Л. Ф. Клопов. Кадровый десант ВНИИТФ в Москву, 1996 г.

становлениях предусматривалось определенное число премий (единицы), орденов и медалей (десятки) для награждений отличившихся ученых, конструкторов, исследователей и рабочих в случае успешного завершения темы. За 30 лет (с 1957 по 1986 г., когда в СССР функционировало Министерство среднего машиностроения) ведущие сотрудники ВНИИТФ были отмечены:

- званием лауреата Ленинской премии – 53 человека;
- званием лауреата Государственной премии – 164 человека;
- орденами и медалями – более 5000 человек.

Ни по официальным заявлениям (жалобам), ни в досужих разговорах в курилках за эти годы не было выявлено вопиющих случаев «наград не причастных». Конечно, были разговоры типа: «Не соглашайся на эту награду, она мешает тебе в следующем году получить звание лауреата», или «Медаль могла бы достаться мне, инженеру, но нужно было наградить рабочего». Но эти брюзжания и домыслы тонули в общей радости высокой государственной оценки работ коллектива института. Звания «Заслуженный деятель науки», «Заслуженный конструктор», «Заслуженный изобретатель» и т. п. присуждались исключительно по заслугам. Число таких сотрудников было намного меньше, чем лауреатов и орденосцев. Отбор был строгим, и массового характера это явление не носило. Кандидаты, доктора и профессора – это, можно сказать, особая каста. За вышеуказанный период докторские диссертации защитили 23 человека, кандидатские 107, звание профессора получили 10 человек.

Моя защита диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук состо-

С какими замечательными людьми! Герой Социалистического Труда А. А. Бриш и Герои России И. М. Каменских и О. Н. Шубин на праздновании 60-летия 5 ГУ, март 2015 г.

ялась в 1973 г., когда еще действовало МСМ, докторской – в 1989 г., когда отраслью управляло МАЭП. Пенсии были и простые (по старости), и льготные (по спискам № 1 и 2). К льготным было очень внимательное отношение. Списки были подготовлены Главным управлением труда и зарплаты, утверждены министром и неукоснительно соблюдались. Работала специальная комиссия по трудовому стажу. Достигшие возраста 50 (55) лет и получившие пенсию по списку № 1 или списку № 2 рабочие получали и зарплату, и пенсию. ИТР такого права были лишены вплоть до 1990 г. Позже пенсию получали уже все продолжавшие трудиться сотрудники.

Система поощрений была очень широкой:

- премирование (ежеквартальное, тематическое);
- выдвижение на Доску почета (подразделения, института, города);
- награждение Почетными грамотами уровня предприятия, города, области, министерства;
- внеочередное выделение путевок в санатории и дома отдыха;
- благодарственные письма;
- публичные поздравления по радио.

Жизнь и работа в ЗАТО накладывала отпечаток на характер людей и особенности их поведения. С одной стороны, многие знали друг друга, относились с взаимным уважением, помогали друг другу в различных жизненных ситуациях. Но с другой стороны (особенно вне границ ЗАТО), стремились не ввязываться ни в какие жизненные ситуации, молча проходили мимо нарушений кем-то общественного порядка, особенно, когда могло потребоваться предъявление документов. Внутренняя дисциплина была строгой, но к ней быстро привыкали – все так поступают, и ты тоже. Конечно, были тяже-

лые неприятные моменты, связанные с требованиями режима. Иногда доходило до конфликтов. Некоторые молодые сотрудники требовали от директора соблюдения Конституции, хотя при оформлении их под подпись знакомили с ограничениями, обусловленными секретностью работы. Доводилось слышать, что, исчерпав традиционные аргументы о необходимости соблюдения установленных правил проживания в городе, директор жалобщику задавал риторический вопрос: «А Вы видели на карте СССР наш город?».

В моей судьбе тоже был драматический эпизод. Из города можно было выезжать только в служебную командировку, в отпуск и чрезвычайных ситуациях (например, похороны близкого родственника). В 1963 г. я собрался жениться. Невеста жила в Киеве. Еле-еле упросил начальство подписать недельный административный отпуск. Получил пропуск на выезд-въезд по определенным датам. В Киеве с будущей супругой написали заявление в ЗАГС и наметили день свадьбы. Но нас «обрадовали»: «Зарегистрируем Вас в соответствии с действующими правилами – не ранее чем через месяц!».

Что делать? Не буду же я работникам ЗАГСа объяснить, что не позднее чем через неделю я должен возвращаться на свое место жительства и когда у меня появится возможность повторного приезда в Киев, я знать не могу. Выход нашлся. Я обратился в городской отдел КГБ. Эта служба (по моему паспорту и по своим связям) проверила меня, уточнила ситуацию, и вышедший из кабинета человек в гражданском сказал: «Вас регистрируют во Дворце бракосочетания такого-то числа как солдата, имеющего ограниченную по срокам увольнительную». Свадьба была за день до отлета домой, регистрация – прямо в день отлета, и из Дворца бракосочетания мы помчались в Борисполь. Улетел домой, конечно, один, без молодой жены. Потом еще три месяца ждал, когда завершится оформление, и ее можно будет привезти в город. Вот такая «драма». Слава Богу, мы с женой уже давно отметили золотую свадьбу!

Рассказывая об организации работ, отмечу, что оперативные совещания, как и в нынешние времена, проводились регулярно, в определенные дни недели, с участием ответственных лиц, по всему кругу тематики предприятия. Отдельно были планерки по НИОКР, отдельно – по капитальному строительству. Участники планерок по НИОКР старались много не говорить, чтобы не выглядеть оправдывающимися. На доске ме-

лом выписывались индексы узлов и изделий и сроки изготовления составных частей или сборок. По капитальному строительству ритуал был другим – много говорилось, высказывались взаимные претензии строителей, монтажников, проектантов, снабженцев.

Бывали «подставы». Яркий пример – в одном здании нужно было застелить полы спецпокрытием. Снабженцы его не доставили. Строители попросили директора подписать техническое решение о замене материала. На следующей планерке опять докладывали, что пол не покрыт. Строители отвечают: «Так ведь Ваше руководство заменило материал, а его нет!». Представляете, какой был скандал.

Научно-технические совещания были тематическими. Порядок был такой: основной докладчик должен был накануне представить текст доклада назначенному эксперту (или экспертам). На заседании заслушивались сам докладчик, потом эксперты, а затем шли выступления участников. Эта «технология» соблюдалась, по-моему, вплоть до 1990-х гг. Нынче такая практика почти утрачена. А жаль!

Отдых – отдельная песня. Коллективные рыбалки, вылазки в лес, спортивные соревнования – все это было, пока основной костяк работников был молодым или относительно молодым. Затем был период ограничений кадрового набора, ранее принятые на работу старели, молодых принимали мало. И такие общественные коллективные мероприятия пошли на убыль. Особенно в «лихие» 1990-е гг. Сейчас это постепенно возрождается на новом уровне в режиме корпоративного единения.

Здравоохранение в первые 25 лет деятельности предприятия было как бы незаметным. Больных было мало – все была здоровая загорная молодежь. Мой сын, родившийся в 1965 г., став студентом и побывав в мегаполисах, говорил: «Так в нашем городе ни стариков, ни инвалидов не встретишь. А посмотрите на открытые города!». Действительно, пожилых людей было мало, инвалидов и, тем более, хулиганов или бывших под следствием или ранее осужденных на работу не принимали и в город не завозили. Был своего рода стерильный инкубатор, рождались и росли здоровые и не испорченные плохими привычками дети, настроение у родителей, да и у бездетных жителей было прекрасное. И здоровье тоже. Но, тем не менее, больница, поликлиника, поголовная диспансеризация – все было на высоком уровне. 3-е Управление Минздрава фактически было минсредмашев-

ским. А это определяло и дисциплину, и обязанности и права, соответствующие предприятиям и требованиям отрасли.

В устной форме легенды и байки всегда были в Минсредмаше. В письменной форме они стали появляться уже в эпоху гласности, т. е. после 1985 г. Например, Александр Иванович Веретенников собрал рассказы и стихи испытателей ядерных зарядов в своих книгах «Рядом с атомной бомбой» (1995), «Фольклор на службе атому» (1996), «Рассказы атомщиков и в шутку, и всерьез» (1998) и «На службе атому» (2000). В ряду подобных публикаций стоит и вышедшая в 2009 г. брошюра «Техника без опасности» («Серьезы» и курьезы испытательных экспедиций; авторы Н. П. Волошин и Б. К. Водолага). Приводить примеры из этих книг, конечно, можно. Но их лучше прочитать.

Культовой фигурой в МСМ, конечно, был Ефим Павлович Славский. Мне лично с ним встречаться не довелось. А вот о нашем генерале – директоре Георгии Павловиче Ломинском несколько интересных эпизодов приведу. На железнодорожной станции в Свердловске произошел мощный взрыв. В кабинете Ломинского раздается звонок: «Георгий Павлович! Это не ваш ли груз взорвался в вагоне?». Ответ: «Свердловск цел?». – «Да». – «Значит, не наш!».

На бюро горкома партии идет разбирательство поведения одного коммуниста, неравнодушного к алкоголю. Секретарь: «Мы Вас неоднократно предупреждали, вынесли простой выговор, затем выговор с предупреждением, а Вы все пьете и пьете!». Ломинский: «Пора и закусьвать!».

На оперативке (после Чернобыльской аварии) спрашивают: «А теперь Краснодарский чай не радиоактивный ли и не опасно ли его употреблять?». Ломинский: «Так вы его пейте, а не жуйте!».

О научном руководителе, именем которого назван наш институт, Евгении Ивановиче Забабахине, тоже есть несколько легенд. Вот одна из них. К Евгению Ивановичу, ехавшему на своей «Победе», попросился прохожий, чтобы его подвезли до дома. Прощаясь, он отблагодарил академика тремя рублями. Евгений Иванович тут

Е. И. Забабахин

же сказал: «Возьмите сдачу», отдал 25 рублей и, резко набрав скорость, уехал от удивленного пассажира!

Экстремальные случаи, конечно, были. Свидетелем нескольких из них довелось быть и мне. Сразу после взрыва в скважине на Семипалатинском полигоне обстановка спокойная, как всегда. Группа съема информации выехала на площадку с фургонами, в которых размещены регистраторы. Площадка в полукилометре от эпицентра взрыва. Только операторы стали открывать двери фургонов, из скважины с ревом вырывается пышущее жаром бело-черное облако газа. Остальные участники испытания наблюдают это с расстояния 2,5 км. Члены группы съема информации ринулись к своим машинам; так же поступили все остальные наблюдатели. Все помчались по направлению против ветра. Шок был всеобщий. Как показали измерения, выброса радиации не было. После взрыва верхние углесодержащие породы были разогреты и подожжены теплом от глубинного взрыва. Началось термическое разложение угля, приведшее к повышению давления и выбросу газа через забивку ствола скважины. Спустя несколько часов материалы регистрации были сняты, фотоленки не были «засвечены», что позволило в обычном режиме расшифровать результаты измерений. Все закончилось благополучно. Но знаю, что некоторые из сотрудников после этого события отказались участвовать в съеме материалов регистрации.

Бывало всякое, но не такие отдельные драматические эпизоды определяют общее впечатление о работе Минсредмаша. Это было государство в государстве, обеспечившее ядерный паритет на многие годы существования СССР и нашей России. И нынешняя атомная отрасль, ставшая «страной в стране», с достоинством продолжает традиции ее отцов-основателей.

Но многое и меняется, в том числе и в подборе кадров. Теперь действует Академия Росатома, обучающая искусству управления. Выполняются проекты «Таланты Росатома», «Капитал Росатома» и «Достояние Росатома», на которых по завершению обучения составляется рейтинг участников, и из финалистов определяют кадровый резерв. А как формировался кадровый резерв раньше? В атомной отрасли, начиная со времен ПГУ и Минсредмаша, эффективно действовал принцип подбора кадров для центрального аппарата. Он заключался в отборе кандидатов на руководящие посты из числа специалистов, положительно зарекомендовавших

Г. А. Цырков

Л. Ф. Клопов

себя в подведомственных предприятиях и научно-исследовательских институтах. На работу в министерство и его главные управления выдвигались и принимались люди, как говорится, «от сохи», имевшие существенный опыт и знавшие дело изнутри. Приведу примеры по кадрам ЯОК.

Если в 1949–1960 гг. кадровый состав ядерного оружейного дивизиона (используем современную терминологию) комплектовался, в основном, гражданскими специалистами из КБ-11 и серийных заводов, а также военнослужащими Министерства обороны, то с 1960 г. к этому процессу был подключен еще и НИИ-1011 (РФЯЦ-ВНИИТФ). В 1960 г. заместитель главного конструктора НИИ-1011 Георгий Александрович Цырков был назначен заместителем начальника – главным инженером Главного управления опытных конструкций (5 ГУ). В 1965 г. его назначают начальником этого главка. Затем в 5 ГУ были последовательно переведены Гелий Игоревич Захаров, Владимир Николаевич Ершов, Юрий Сергеевич Степанов, Владимир Николаевич Баженов, Николай Николаевич Криулькин, Вениамин Васильевич Зубов. В 1967 г. в Москву переводят главного конструктора ВНИИТФ Александра Дмитриевича Захаренкова и назначают заместителем министра по ядерному оружейному комплексу. В 1972 г. заместителем начальника 5 ГУ становится главный конструктор ВНИИТФ Леонид Федорович Клопов.

Новый этап усиления кадрового состава ядерного оружейного дивизиона начался после 1992 г., когда бывшее 5 ГУ Минсредмаша стало департаментом нового Министерства по атомной энергии. В конце 1995 г. было принято решение о переводе начальника отделения экспериментальной физики РФЯЦ-ВНИИТФ Н. П. Волошина в Департамент проектирования и разработки ЯБП на должность замести-

теля начальника. В октябре 1996 г. он сменил Георгия Александровича Цыrkова на посту начальника этого департамента. В последовавший период сотрудниками департамента стали следующие бывшие сотрудники ВНИИТФ: Игорь Евгеньевич Забабахин, Олег Никандрович Шубин, Сергей Андреевич Воробьев, Валерий Владимирович Дроздов. В 2000 г. в Минатом на должность заместителя министра по ЯОК был переведен главный инженер РФЯЦ-ВНИИТФ Иван Михайлович Каменских. А в дальнейшем кадровый состав департамента пополнился такими специалистами ВНИИТФ, как Евгений Михайлович Дмитриев, Дмитрий Витальевич Петров, Александр Юрьевич Гармашев, Игорь Юрьевич Амосов, Константин Эдуардович Чупис. Прошу прощения у сотрудников ВНИИТФ, перешедших в департамент, если кого-то я не вспомнил и не назвал. Это простое перечисление принятых на работу в центральный аппарат, конечно, свидетельствует о весомом количественном вкладе ВНИИТФ в укрепление руководящего состава ядерного оружейного дивизиона. Но посмотрите, каков был качественный вклад! Два выдающихся руководителя – А. Д. Захаренков и И. М. Каменских – заместители министра; Г. А. Цыrkов, Н. П. Волошин, В. В. Дроздов, О. Н. Шубин – руководители департамента; Л. Ф. Клопов, И. Е. Забабахин, Е. М. Дмитриев, Д. В. Петров – заместители руководителя департамента. Почти все доктора наук.

Интересная деталь: с 1960 по 2004 г. был только однонаправленный путь перехода из ВНИИТФ в министерство (госкорпорацию). Со второй половины 2004 г. открылось, можно сказать, встречное движение: Н. П. Волошин стал заместителем директора ВНИИТФ, через несколько лет Д. В. Петров – главным конструктором, А. Ю. Гармашев – заместителем главного конструктора – начальником отделения, К. Э. Чупис – помощником главного конструктора. И еще одно важное замечание: многие вышеназванные лица достойно отмечены высокими государственными наградами за вклад в укрепление обороноспособности страны. Эту славную когорту возглавляют Герои Социалистического Труда Александр Дмитриевич Захаренков, Георгий Александрович Цыrkов и Герой России Иван Михайлович Каменских, Олег Никандрович Шубин. Конечно, руководство и весь коллектив РФЯЦ-ВНИИТФ гордятся тем, что их воспитанники и раньше, и сейчас являются успешными и эффективными руководителями одного из главных дивизионов управления

отрасль – ее ядерного оружейного комплекса, и по праву составляют достойные атомной отрасли России.

За последнее десятилетие в деятельности отрасли и в жизни ее сотрудников произошли прямо-таки кардинальные изменения. Расширилась область интересов, преобразовалась система управления, развивается и крепнет корпоративный дух, происходит омоложение кадрового состава. Если о Минсредмаше говорили, как о «государстве в государстве», то Госкорпорация «Росатом» является теперь «страной в стране» – выходит газета, которая так и называется «Страна Росатом».

Отрасль находится на передовых позициях в рейтинге работодателей России по привлекательности в трудоустройстве. Выполняются около двадцати общепромышленных проектов в социально-экономической, образовательной и молодежной сферах. Среди них: «На благо города», «Школа Росатома», «Территория культуры Росатома», «Атомиада», «Новое поколение рабочих и инженеров по стандартам WorldSkills», «Мой дом. Мой двор. Моя семья». Все это вместе с реализацией важнейших задач отрасли в области энергетики и обеспечения обороноспособности государства характеризует современную атомную отрасль как локомотив производственной и социально-экономической жизни нашего общества.

В заключение хочется выразить глубокую признательность всем ветеранам и сотрудникам атомной отрасли, в том числе, и в особенности, коллегам по ядерному оружейному комплексу за то, что они упорно трудились и вдохновенно трудятся в одной из самых престижных отраслей науки и производства, обеспечивали и продолжают укреплять обороноспособность и экономическое могущество нашего государства, пожелать всем здоровья, дальнейших успехов, благополучия и мира!

А. Д. Захаренков

ВОЛОШИН Николай Павлович –
помощник директора РФЯЦ-ВНИИТФ